

Януш
КОРЧАК

**ВСЁ О ТОМ,
КАК ЛЮБИТЬ
РЕБЁНКА**

Януш Корчак

Всё о том, как любить ребенка

Серия «Главная книга о психологии»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63420491

Всё о том, как любить ребенка: Издательство АСТ; М.; 2021

ISBN 978-5-17-134694-2

Аннотация

Януш Корчак (1878–1942) – великий польский педагог, талантливый писатель и общественный деятель. В годы Первой мировой войны он служил военным врачом в дивизионном полевом госпитале Русской императорской армии, после стал работать врачом в приютах для украинских детей. В годы Второй мировой войны, будучи отправленным в концлагерь вместе с воспитанниками «Дома сирот», он несколько раз отказывался от свободы, предпочтя смерть с подопечными в газовой камере. Януш Корчак оставил не просто память о себе, но и ценные книги.

Книга «Всё о том, как любить ребёнка» – подлинная энциклопедия для воспитания взрослыми людьми маленьких. Дети – это личности, которые отличаются лишь отсутствием жизненного опыта. Они имеют право на уважение, голос, собственное мнение. К ним стоит относиться по-разному, но однозначно с теплотой и любовью.

Благодаря красочным метафорам и грамотным рекомендациям Януша Корчака вы научитесь слушать, слышать и понимать ребёнка. Кто знает, может, именно в нём спит гений?

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Дойти до сути	6
Право ребенка на уважение	32
Пренебрежение – недоверие	32
Быть маленьким	32
Милость материальной зависимости	34
Строгий надзор	37
Неприязнь	40
Ребенок: ущерб и разочарование	40
Тяжкая доля воспитателя	42
Лицемерие взрослых	46
Право на уважение	49
Право ребенка быть тем, что он есть	53
Как любить ребенка	61
Ребенок в семье	61
Мой ребенок?	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Януш Корчак

Всё о том, как любить ребенка

© Е.А. Ямбург, предисловие, 2021

© Издательство АСТ, 2021

Дойти до сути

Опыт многократного прочтения Януша Корчака

«Неужели вы собираетесь комментировать “Как любить ребенка”? Но там же все правильно и банально», – бросила мне одна известная дама-педагог, чем, откровенно говоря, задела за живое и еще более раззадорила. Книгу Януша Корчака “Как любить ребенка” я неизменно (вот уже в течение сорока пяти лет) дарю молодым специалистам, которые впервые переступают порог школы, на каждом августовском педагогическом совете, что предшествует началу нового учебного года.

Убеден: ее должен прочитать не только каждый из тех, кто вступает на многотрудное поприще просвещения, но и те, кто решил произвести на свет или усыновить ребенка. Почему? Об этом большой и обстоятельный разговор впереди. Но сегодня актуальность книги предельно обострилась. Прагматизм и обслуживающий его технократический дискурс окутали планету, наложив каинову печать на восприятие всех без исключения сфер жизни в так называемых цивилизованных странах по обе стороны океана. Чего в первую очередь требуют родители в родительских чатах или в онлайн-конференциях? И в России, и в Америке подав-

ляющее большинство мам и пап единодушно хотят получить четкие инструкции по обучению и воспитанию. Ребенок представляется им неким фаршем, заправив который в педагогический конвейер на выходе можно получить хорошо воспитанного и образованного молодого человека, отвечающего чаяниям родителей и их представлениям о жизненном успехе. Отсюда прагматическое потребительское отношение к школе в целом и педагогам в частности.

Он имел мужество сказать: «Не знаю!»

На память приходит ушлая американская старушка, которая отсудила у фирмы «Макдоналдс» миллионы долларов. Она обожглась горячим кофе. По решению суда фирме пришлось раскошелиться. Оттого-то инструкции по использованию современных бытовых агрегатов, включая кофейные стаканчики, по объему напоминают романы. Компанию обязали изменить температуру кофе и добавить крупную надпись с предупреждением на стаканчик.

Здесь следует оговориться: я не выступаю тотальным критиком технологии как таковой. В ряде сфер деятельности, в частности в медицине, слаженная работа врачей в соответствии с утвержденным международным протоколом обеспечивает оптимальные результаты лечения. Но педагогическую рецептуру я отрицаю, в чем вполне солидарен с Я. Корчаком: «Люди удивляются и ставят мне в вину, что я вроде

бы отчасти и врач, а советовать не хочу». Он имел мужество сказать: «Не знаю!» Ибо нет двух абсолютно одинаковых детей (даже однояйцевые близнецы различны в своих интересах, жизненных планах и учебной мотивации). Поэтому мудрый врач, педагог и писатель выступал против педагогического механицизма. Именно с великого «Не знаю!» начинается подлинная педагогическая наука и рождается творческая практика, слетают педагогические шоры и рушатся мифы.

Увы, и сам образ Я. Корчака не избежал мифологизации. В глазах миллионов он этакий старый сказочник, добрый доктор Айболит, готовый погладить по головке любого ребенка, вручив ему заранее приготовленную карамельку. Его мученический конец дополняет идиллический портрет, а точнее икону, культурно канонизированного мученика (праведника мира, каковым он справедливо признан в Израиле).

В 1982 году я беседовал с известным польским педагогом, в прошлом молодым сотрудником «Дома сирот» Александром Левиным. Мы сидели в кабинете Корчака. На стене – печальная фотография, известная всему миру. На ней грустный Януш Корчак прикрыл глаза, опустив руку на плечо ребенка. Зная о его трагическом конце, невольно затихаешь перед документальным свидетельством его святости.

«Так случилось, – говорил Александр Левин, – что я присутствовал при съемках этого кадра. В тот момент Я. Корчак

весело играл с детьми в жмурки. Отсюда и прикрытые глаза. Миф никогда не должен заслонять человека». Я, помнится, возразил профессору Левину и пригласил в Москву. К нашему спору о соотношении мифа и реальности в истории мы еще вернемся.

А пока только обнаженные факты. Нет, Генрик Гольдшмидт, известный всему миру как Януш Корчак, не был карасем-идеалистом. Это был достаточно жесткий человек, офицер-военврач, прошедший три войны. Книга «Как любить ребенка» писалась не в тиши кабинета и не в интернате, где его любовно облепляли детишки.

Поразительно, но книгу «Как любить ребенка» он набрасывал в короткие моменты передышек между хирургическими операциями под стоны раненых и разрывы снарядов в прифронтовой полосе. Нашел время и место для педагогического творчества...

Первая в его жизни война – русско-японская. Задумывалась как маленькая победоносная, а обернулась началом краха империи. Второй фронтовой опыт Корчак приобрел в годы Первой мировой войны, где врачи были поражены бессилием и моральным разложением царской санитарной службы. Не хватало лекарств, инструментов, дезинфицирующих средств и перевязочного материала. Бараки, которые должны были стать полевыми госпиталями, разваливались. Деньги, предназначенные на их ремонт, разворовывались. Взяточничество достигало огромных масштабов. Особой бес-

честностью отличался российский Красный Крест, который наживался тогда на всем – на доставке провизии для больных, на лекарствах, на одежде. Миллионные счета, которые он выставял, невозможно было проверить, потому что в конторах и на складах то и дело случались пожары, в них сгорали товары и счетные книги.

Однако вернемся к запискам Старого Доктора. В 1915 году ему 35 лет! К этому времени он уже достаточно известный писатель и педагог.

Писательская цепкость глаза и литературный дар лишь помогали находить отточенные формулировки. К ежедневной письменной фиксации наблюдений за детьми Януш Корчак призывал как родителей, так и педагогов, объясняя последним, что «иначе их жизнь будет промотана зря». Поразительно, Корчак, впрочем, как и Макаренко, никогда не писал строго научных трудов, не защищал диссертаций. Однако на их книгах защищены сотни, если не тысячи диссертаций.

Его педагогическая мысль отливалась не только в литературную форму. Януш Корчак обладал редким даром материализации педагогических идей, поскольку был, как сказали бы сегодня, блистательным менеджером образования, способным в сжатые сроки четко организовать работу детского учреждения с невероятно сложным контингентом воспитанников. Тому есть неоспоримое доказательство.

В 1915 году, получив трехдневный отпуск, Корчак отпра-

вился в Киев, в интернат для детей. Интернатом руководила Марина Фальская, которая с трудом справлялась с детьми, чье сознание искалечила война. «Визит офицера, поляка, известного писателя, приехавшего прямо с фронта, воспитателя, понимавшего педагогические проблемы как никто другой, стал переломным моментом для всех. За три дня пребывания в киевском интернате Корчак преобразил хаотическую жизнь его шестидесяти обитателей. Из случайного собрания агрессивных анархистов они начали превращаться в демократическое сообщество. В начале своего визита он был втянут в дело тринадцатилетнего мальчика, которого обвиняли в краже часов и грозили выгнать из интерната. С помощью проверенной на Крахмальной (улице, где располагался детский дом Корчака в Варшаве. – *Прим. Е.Я.*) методики товарищеского суда: свидетелей, обвинителей, адвокатов и судей, которых выбирали из воспитанников, – удалось доказать невиновность мальчика, а заодно дать понять детям, что их права здесь уважают. Он помог им организовать самоуправление. Предложил свою излюбленную идею – издавать собственную газету, показал, как это надо делать, сам написал вступительный фельетон, позже присылал статьи с фронта. Днем он проводил время с мальчиками: расспрашивал об их прошлом, о судьбах, печалях, мечтах, советовал, поддерживал, придумывал игры, которые позволяли им хоть на минуту забыть о действительности. За эти три дня Корчак заразил Марину своей педагогической страстью, указал

ей цель»¹.

Нравственный закон внутри нас

Человека, прошедшего через грязь и кровь войн, ежедневно и ежечасно наблюдавшего смерть, трудно представить педагогом-романтиком. Да Корчак таким и не был.

Первая мировая не последняя в его жизни. Впереди революция, Гражданская война и провалившееся наступление Красной армии на Варшаву. Поляки выстояли, чудом сохранив свою независимость. Такой обретенный в боях опыт диктует реалистическое, лишенное сантиментов отношение к жизни и воспитанию новых, входящих в нее поколений.

Да, Януш Корчак ясно видел горизонт воспитания, включающий в себя категорический императив Канта – существование звездного неба над головой и нравственного закона внутри нас, – но при этом никогда не отрывался от земли. Ибо был реалистом и отдавал себе отчет в том, что школа стоит не на Луне и его воспитанникам предстоит жить в реальном мире. «Мир уродлив, и люди грустны», – как сказал замечательный американский поэт Уоллес Стивенс. Из этого не следует, что бесполезно учить детей правде и прививать им вечные нравственные ценности. Но есть одно «но»: «Да разве может обойтись любовь к правде без знания дорог,

¹ Ольчак-Роникер И. Корчак. Опыт биографии. М.: Текст, 2015. С. 251–252.

которыми ходит кривда? Разве ты желаешь, чтобы отречение пришло внезапно, когда жизнь кулаком хама смажет по нашим идеалам? (Неожиданно жесткое выражение писателя-сказочника и рафинированного интеллигента. – *Прим. Е.Я.*). Разве, увидев тогда твою первую ложь, не перестанет твой воспитанник сразу верить во все твои правды? Если жизнь требует клыков, разве вправе мы вооружать детей одним румянцем стыда да тихими вздохами?

Твоя обязанность воспитать детей, а не овечек, работников, а не проповедников: в здоровом теле – здоровый дух. А здоровый дух не сентиментален и не любит быть жертвой. Я желаю, чтобы лицемерие обвинило меня в безнравственности!»² Задириста последняя фраза.

Лицемерие взрослых – проклятие воспитания во все эпохи. Самодовольные взрослые в массе своей, демонстрируя небезупречный образ жизни, проповедуют детям идеальный способ существования, не допуская мысли, что те кожей ощущают и болезненно переносят фальшь: дистанцию между словом и делом. Но наступают времена, когда этот разрыв зашкаливает. Именно лицемерие казенных идеологов диктует государственную стратегию воспитания, основанную исключительно на положительных примерах из истории Отечества, призванных прививать детям любовь к родному пепелищу. А о путях кривды – ни слова. И это в условиях сво-

² *Korczak J. Jak kochać dziecko, proza pedagogiczno-estetyczna (1919–1929) / Levin A. Janusz Korczak, Prisma wybrane: 4t. T. 1. 1978. С. 234–235.*

бодного доступа к любой информации.

«Именно лицемерие обвиняет в безнравственности, в отсутствии патриотизма и прочих смертных грехах тех воспитателей, которые рискуют обсуждать со своими питомцами «грехи нашей родины вечной».

(Б. Окуджава)

Именно лицемерие приводит к тому, что ученик, однажды внезапно уличивший воспитателя в лукавстве, перестает верить ему. А в результате становится циником или стихийным бунтарем, чей протест выплескивается на улицы.

Задиристое желание Корчака, чтобы лицемерие обвинило его в безнравственности, сбывается на глазах. Старый Доктор открыто смеялся, глядя на ханжество, способное выражать лишь праведный гнев и ничего более.

При всем том он не был диссидентом и ради блага детей был готов играть в разные игры с сильными мира сего, прекрасно понимая, что власти всегда будут с подозрением относиться к независимо мыслящим людям.

Так, например, после майского переворота 1926 года Ю. Пилсудского, который не был бескровным, Корчак воспользовался симпатией к его литературному творчеству со стороны супруги диктатора. Она давала спонсорские средства на содержание двух детских домов. Мало кто знает, что Корчак одновременно руководил двумя детскими домами! Никаких государственных субсидий он не получал.

Вынужденные компромиссы доктора Корчака раздражали

его более радикально настроенных коллег, которые считали, что такое поведение руководителя дурно влияет на воспитанников. Они настаивали на открытой модели детского дома, иными словами – на политизации школы.

Замечательно, что Януш Корчак совмещал в себе реалиста и утописта. Как это возможно? Доктор внимательно наблюдал за политикой, считал, что дети должны знать, как устроено государство, но при этом упрямо реализовывал на практике закрытую модель детского учреждения, создавая для своих воспитанников дом, в котором царит нравственное и психическое благополучие. Концепция, уязвимая со всех сторон. Его легко было упрекнуть (и упрекали) в утопизме и непоследовательности, в том, что на деле он пытался построить остров утопии. В этом, на мой взгляд, мнимом противоречии имеет смысл разобраться. Да, он считал, что детей надо готовить к жизни, не утаивая от них суровых неприглядных сторон. Но одно дело – готовить к жизни, и совсем другое – бросить их в этот бушующий океан, предварительно не научив плавать. Корчак полагал, что столкновение с миром должно наступить лишь тогда, когда дети окрепнут. А на этапе взросления он делал все возможное для сохранения их физического и психического здоровья, а главное – прививал детям чувство самооценности и тем самым укреплял их собственное достоинство. Этим целям был подчинен весь уклад жизни детского дома, базирующийся как на неписаных традициях, так и на писаных законах. Неверо-

ятно загруженный человек, постоянно решавший массу финансовых и бытовых проблем, не прекращавший литературного труда, он не поленился разработать для детдома судебный кодекс – более тысячи страниц текста. В результате в его доме осуществлялось настоящее самоуправление и царила справедливость. Конечно, Корчак неутомимо обустроивал свой остров утопии, но, по большому счету, все реализованные на практике педагогические системы представляют собой такие острова (колония Макаренко, коммуна Шацкого и др.).

«Нельзя устраивать революцию, не подумав о ребенке»

По отношению к детям доктор Корчак занимал единственно верную охранительную позицию. Такая позиция особенно близка педагогам, осуществляющим воспитание детей в переломные эпохи. Революционер в педагогике, он тем не менее всегда предостерегал, выступая на рабочих собраниях: «Нельзя устраивать революцию, не подумав о ребенке». В одном из своих писем заметил: «Легче всего умереть за идею. Такой красивый фильм: падает с простреленной грудью – струйка крови на песке, – и могила, утопающая в цветах. Труднее всего изо дня в день, из года в год жить ради идеи». Как писал, так и жил, полагая, что по-настоящему преобразовать мир возможно, лишь преобразовав воспи-

тание.

Как любить и воспитывать ребенка в России? Этот вопрос я периодически слышу от чутких, тревожных родителей и педагогов. Он нерешаем для тех, кто по-прежнему исповедует веру в то, что бытие тотально определяет сознание. Такие люди видят вокруг себя кричащие противоречия, страдают от несправедливости окружающей жизни, но недооценивают силу Духа.

Что же касается сомнений в красоте жертвы во имя идеи, то мои личные впечатления – непосредственного участника событий августа 1991 года в Москве – их усиливают. Там, под мостом, в революционном порыве одни молодые люди накинута брезент, закрыв смотровые щели бронемшины, а другие молодые люди, сидящие в ней, с испугу открыли огонь. Никто не хотел умирать. Могилы погибших тогда утопали в цветах. Сегодня мало кто вспомнит их имена. Жертвенное поведение молодых людей, их «упоение в бою, у бездны мрачной на краю» – известный психологический феномен, который с превеликим удовольствием во все времена эксплуатируют технологи власти в собственных политических целях. Зрелый, состоявшийся человек вправе принять решение о вступлении в борьбу, трезво осознавая возможность своей гибели. Но втягивать детей во взрослые политические разборки, не думая о том, что они могут привести к кровавой развязке, – неприкрытый цинизм. Об этом хорошо бы помнить вдохновителям и организаторам молодеж-

ных движений вне зависимости от того, под какими лозунгами и знаменами такие движения собираются.

Доктор Корчак, живой, непосредственный участник и свидетель войн, революций и переворотов в Польше, знал, как вести себя педагогу, попавшему со своими детьми в водоворот истории. Его жизнь и судьба – образец самого трудного вида героизма – героизма повседневности.

Отдельная горячая проблема – формирование религиозной, национальной и культурной идентичности. Корчак всю жизнь творил педагогику в раздираемой внутренними противоречиями Польше, находящейся между советским молодом и нацистской наковальней, общественная атмосфера которой не была спокойной и благостной. Напротив – насыщенной страхами и предрассудками.

На него нападали все. Ортодоксальные евреи – за то, что он колонизирует детей. Поляки и ассимилированные евреи – за то, что без надобности прививает воспитанникам чувство еврейского самосознания, затрудняя их интеграцию в польское общество. Сионисты – за то, что не убеждал детей ехать в Палестину. Коммунисты – за то, что не призывал их бороться с капитализмом.

«На каком фонаре ты меня повесишь, когда устроишь свою революцию?» – спросил он своего бывшего воспитанника, активиста одного из леворадикальных движений.

Больнее всего он переживал критику от самых близких, ибо среди его сотрудников и выпускников, которые прини-

мали активное участие в жизни интерната, естественно, были люди разных взглядов. Но мудрый Корчак сознательно дистанцировался от любых политических и идеологических установок в педагогике.

«Молитвы тех, кто не молится»

Знаменательно, что такой же принципиальной позиции – быть ни с теми и ни с теми – придерживался замечательный православный священник отец Александр Мень, о чем он сам говорил мне незадолго до своей трагической гибели.

Корчак был далек от узкоконфессионального подхода, но при этом признавал за каждым ребенком в соответствии с его семейными традициями право на выбор своего пути к Богу. Отсюда его заметки «Наедине с Господом Богом», которые имеют подзаголовок: «Молитвы тех, кто не молится». К слову сказать, книга «Как любить ребенка» неотделима от всех других произведений Корчака. Не случайно в эту книгу помещены еще «Право ребенка на уважение» и «Правила жизни».

По-настоящему понять и оценить ее глубину возможно лишь во взаимосвязи с ними. В целом его взгляды можно охарактеризовать как экуменические. Осознавая важность духовных потребностей у детей, он искал образцы для подражания в христианстве и иудаизме, у философов Востока, Древнего Рима, Греции, в теософских, антропософских, ма-

сонских доктринах — во всех этических системах, которые считают заботу о высших ценностях главным мерилom чelовечества.

В книге «Как любить ребенка» читаем: «Догмой могут быть земля, костел, отчизна, добродетель и грех, могут быть наука, общественно-политическая работа, богатство, борьба, а также Бог как герой, божок или кукла. Не во что, а как веришь (Выделено мной. — Прим. Е.Я.)». Последнее для педагога важнее всего. Корчак продолжает: «Я полагаю, корни многих неприятных сюрпризов в том, что одному дают десять высеченных на камне заповедей, когда он хочет сам выжечь их жаром своего сердца в своей груди, а другого неволят искать истины, которые он должен получить готовыми. *Не видеть этого можно, если подходить к ребенку с “я из тебя сделаю человека”, а не с пытливым: “каким ты можешь быть человеком?”*»³

С позиции ортодокса, которых немало среди неoфитов последних лет, такой подход недопустим. В поисках свободы Корчак, пользуясь его же выражением, «не потерял в давке Бога». Ему в одинаковой степени были чужды и мещанское преувеличенное понятие о человеческой мощи, и властные речения прислужников, посредников, толкователей: «Приди ко мне, ибо только мой Бог настоящий». Доктор Корчак слишком хорошо понимал, что «есть разные истины: твоя, моя, его. Наши истины неодинаковы вчера и сегодня. А зав-

³ Корчак Я. Как любить ребенка. М.: Педагогика, 1979. С. 68.

тра и твоя, и моя истина будут другими».

Искусителей во все времена было предостаточно, сегодня у нас им несть числа. Будь бдителен, педагог! Уже упомянутый отец А. Мень как-то заметил: «Звездоносцы – все одинаковы». Смирение, стремление укрепить прежде всего себя самого – не по их части. Поиск врага, охота на ведьм – более привычные занятия в нашем истерзанном Отечестве. «Комиссары» в монашеских клобуках отнюдь не лучше их коллег в пыльных шлемах. При всей внешней благообразности и велеречивости они всегда выдают себя одним существенным признаком – пеной у рта. Выражение это, ставшее крылатым, принадлежит Г.С. Померанцу: «Дьявол начинается с пены у рта ангела, который вступает в борьбу за правое дело».

Януша Корчака, человека тонкого, деликатного, в подлинном смысле слова наследника общемировой культурной традиции, разумеется, не могли устроить узость и ригоризм в их любом проявлении. Непостижимым образом он сочетал в себе живую, без фанатизма, веру и мужественное, трезвое отношение к жизни: «Отринув толпу Твоих прислужников, – заслоняли, не допускали, – к тебе я стремился, мой Боже». Вот почему эсхатологические предчувствия, которыми наполнены книги Корчака, никогда не убивали в нем веселья и бодрости духа. Личность педагога такого масштаба не пригнешь к земле, но и не оторвешь от нее. Пересечение же земли и неба, как известно, открывает линию горизонта в любой деятельности, включая и наше педагогическое поприще. В

этом, если угодно, главный урок книги «Наедине с Господом Богом». И все же символом веры, оправданием смысла бытия для Я. Корчака всегда был и оставался ребенок. В поэтической форме это блестяще выразил А. Галич в поэме «Кадиш»: «Я старался сделать все, что мог, // Не просил судьбу ни разу: высвободи! // И скажу на самой смертной исповеди, // Если есть на свете детский Бог: // Все я, Боже, получил сполна, – // Где, в которой расписаться ведомости? // Об одном прошу: спаси от ненависти, // Мне не причитается она».

Польский патриот и офицер

В финале жизни Корчак продолжал держаться раз и навсегда избранного пути даже в людоедских условиях гетто. Он был верен своему принципу, что детям помимо еды нужна духовная пища, и до самого конца занимался с ними: они читали вслух, рассказывали сказки, ставили спектакли. Проницательный мыслитель, знавший цену различным «измам», живой человек, испытывавший глубокие разочарования, подверженный депрессиям, что явствует из его дневника и писем, доктор Корчак, по меткому выражению И. Ольчак-Роникер, до последней черты играл с детьми в игру под названием «нормальная жизнь»! Кто-нибудь может предложить иной сценарий ухода в тех обстоятельствах?

Корчак был человеком мира. Он не был ортодоксальным евреем, но определенное время жил в Палестине, изучил

иврит. Однако его главным образом интересовали дети в Библии.

В то же время он ощущал себя польским патриотом и офицером. Ничем иным нельзя объяснить его демонстративный поступок в гетто, когда, надев форму польского майора, он отправился в немецкую комендатуру выбивать продукты для детей. Разумеется, он там был избит и посажен в карцер. Вероятно, к такому акту его побудили неизжитые представления об офицерской чести даже врага, почерпнутые из опыта Первой мировой войны.

К слову сказать, те члены моей семьи, которые погибли в оккупации, отказавшись эвакуироваться по причине преклонного возраста и ограничения в передвижении (тетя, в честь которой меня назвали родители, была инвалидом с детства – ДЦП), помнили тех немцев времен Первой мировой. Они вели себя вполне цивилизованно на Украине, пресекали попытки погромов... Но на этот раз пришли другие немцы – фашисты.

Жизнь, судьба и книги Корчака, а в первую очередь книга «Как любить ребенка», постоянно подталкивают к аллюзиям, параллелям с современностью. Что вполне естественно, ибо эта книга вечная. Она никогда не потеряет своей актуальности. Читая и перечитывая ее долгие годы, я не устаю поражаться мудрости и педагогической прозорливости автора.

Ее главная интенция – призыв к уважению личности ре-

бенка, даже самого маленького, признание его права быть самим собой. Все остальное – тонкости, детали и подробности. Но какие подробности! Любое педагогическое откровение Корчака, которое без преувеличения можно сравнить с ограненным алмазом.

Судите сами: «Нищий распоряжается милостыней как за-
благорассудится, а у ребенка нет ничего своего, он должен
отчитываться за каждый даром полученный в личное поль-
зование предмет».

Сотни ежедневных микродрам на этой почве. Отец купил
дорогой велосипед. Сын дал покататься друзьям. Сломали
– скандал! Девушка одолжила подруге платье на свидание.
Пятно – скандал! Подростку подарили на день рождения ви-
деокамеру. Хочет взять в поход – скандал! Пусть снимает на
память лишь идиллические семейные торжества. Но подари-
ли-то ему!

Взрослых можно понять. Даром, как говорится, ничего не
падает. Крайне раздраженная позиция: ничего твоего в доме
нет. Когда будешь зарабатывать – тогда и будешь иметь пра-
во чем-либо распоряжаться.

Другая история: мать выбросила «хлам» из-под ванны.
Второклассник в слезы. В категорию хлама попали сломан-
ные отцовские часы, израсходованные зажигалки, фантики
и т. п. – все то, что сын хранил в тайном месте, в специаль-
ной коробочке.

Не воспитываем ли мы изначально неуважение к чужой

собственности? Еще совсем недавно государство как собирательный образ отца милостиво позволяло нам пользоваться ею, но ни в коем случае не владеть. Оно и сегодня по возможности идет по этому накатанному пути. И, между прочим, знает, что делает, ибо собственность – синоним независимости. Родителям также трудно примириться с независимостью ребенка, тем более она эфемерна.

Так, высказанное Корчаком замечание выступает для вдумчивого педагога своего рода триггером, запускающим целый каскад мыслей о правильном и должном в культуре в целом и в педагогике в частности.

Или в другом месте: «Мы играем с детьми краплеными картами: слабость детского возраста бьем тузами достоинства взрослых. Шулеры, мы так подтасовываем карты, чтобы самому плохому в детях противопоставлять то, что в нас хорошо и ценно».

Сегодня в российской педагогике этот карточный фокус не проходит (как бы того ни хотели присяжные идеологи казенного воспитания), ибо все покровы оказались сорваны. Вечная проблема отцов и детей обернулась проблемой блудных отцов, промотавших наследство. Эпоха перемен обнажила несовершенство взрослых, их преступления перестали быть тайными.

Пожалуй, достаточно примеров. Не хочу лишать вас радости самостоятельного прочтения и разворачивания педагогических формул Януша Корчака. Замечу лишь, что такой

способ прочтения – это напряженный труд. Отдавая себе отчет в несовершенстве мира, тем не менее он ставил перед собой, казалось бы, невыполнимую задачу – воспитать нравственных детей.

Не устаю повторять вновь и вновь: коренная педагогическая проблема, никогда не теряющая своей актуальности, в равной степени волнующая педагогов, родителей, – можно ли в безнравственном обществе воспитать нравственных детей?

Опыт Корчака подтверждает: да, можно! Но при условии, что воспитатель сосредоточит свои усилия на главном направлении – созидании и сохранении у ребенка чувства собственного достоинства. В этом альфа и омега педагогической системы Корчака. Все остальное – лишь разнообразные инструменты, необходимые для решения правильно поставленной задачи.

*Чувство собственного достоинства —
вот загадочный инструмент.*

*Созидается он столетьями,
а утрачивается в момент.*

*Под гармошку ли, под бомбезжку ли,
под красивую ль болтовню,*

*Иссушается, разрушается,
сокрушается на корню.*

(Б. Окуджава)

Всяко бывает. Ведь педагогу, как и поэту, по словам Ф. Тютчева, «не дано предугадать, как слово наше отзовется». Но писатель и педагог Корчак, находясь у последней черты, продолжал фиксировать сохранение этого «загадочного инструмента» у детей. Даже в страшных условиях гетто дети из «Дома сирот» были известны во всем районе как воплощение благородства. Из его дневника: «Я остановился у кровати, на которой лежал ребенок. Думал, что он болен и о нем забыли. Потому что такое часто случалось. Наклонился и вижу, что ребенок умер. И в эту самую минуту входит маленький дошкольник и кладет на подушку умершего хлеб с мармеладом.

– Зачем ты ему даешь?

– Это его порция.

– Но он же умер.

– Я знаю, что умер.

– Тогда зачем ты положил хлеб?

– Это его порция»⁴.

«Миф никогда не должен заслонять человека»

В заключение о нашем споре с профессором А. Левиным в кабинете «Дома сирот» Януша Корчака в Варшаве. Помните, профессор утверждал, что миф никогда не дол-

⁴ Олъчак-Роникер И. Корчак. С. 546–547.

жен заслонять человека? Мы договорились с ним продолжить разговор в Москве. На дворе стоял 1982 год, в Польше было введено военное положение. Генерал В. Ярузельский интернировал лидеров «Солидарности».

Неугомонный пожилой профессор консультировал и поддерживал своих бывших воспитанников, активных сторонников и участников запрещенных акций. Впрочем, бывших воспитанников для педагога не бывает. Со многими из них он провел годы ссылки на Урале, возглавляя там детский дом для польских детей. Среди них были дети расстрелянных в Катыни офицеров. На родину их отпустили только в 1956 году, после XX съезда партии. Наша педагогическая академия побоялась пригласить А. Левина – автора многих признанных в Европе книг. В их числе «Триптих педагогический: Корчак, Фрэне и Макаренко». Он приехал по личному приглашению. «Как я устал повторять бесконечно все то же и то же, // Падать и вновь на своя возвращаться круги. // Я не умею молиться, прости меня, Господи Боже! // Я не умею молиться, прости мне и помоги...»

Крутится пленка на старой «Яузе». Как и положено по тем временам, на московской кухне вместе с А. Левиным мы слушали запрещенного А. Галича, его поэму о Януше Корчаке «Кадиш»: «Шевелит губами переводчик, // Глотка пересохла, грудь в тисках, // Но уже поднялся старый Корчак // С девочкою Натей на руках».

Профессор оживляется: «Я тоже помню эту парализован-

ную девочку, и мне приходилось ее носить...» Я вздрогнул. Историкам понятно это ощущение, когда внезапно осознаешь, что знаком со своим героем, в данном случае с Корчаком, через одно рукопожатие. «Знаменосец, козырек заломом, // Чубчик вьется, словно завитой, // И горит на знамени зеленом // Клевер, клевер, клевер золотой». Мы продолжаем старый варшавский спор о мифе, который не должен заслонять человека. «Едва ли, – говорит профессор, – обессиленный в гетто Корчак был в состоянии построить «Дом сирот» в колонну и развернуть знаменитое зеленое знамя – символ детства».

Но миф в его высоком значении, обнажающий метафизическую суть трагедии, так просто не отбросить. Послушайте, как точен А. Галич: «Может, в жизни было по-другому, // Только эта сказка вам не врет, // К своему последнему вагону, // К своему чистилищу-вагону, // К пахнущему хлоркою вагону // С песнею подходит “Дом сирот”».

Может, в жизни было по-другому. Только эта сказка нам не врет! Какая, в сущности, разница, шел Корчак во главе колонны с парализованной девочкой на руках или его самого несли на носилках. Сегодня достоверно известно, что его могли вывести из гетто и предлагали этот вариант, но педагог принял решение остаться с детьми до конца.

Для этического подвига такого масштаба нужны надежные основания. Не только для того, чтобы достойно испить чашу до дна, в не меньшей мере – чтобы жить. Видимо, из

тех же источников внятная педагогическая позиция стоического оптимизма Януша Корчака, сохраняемая на протяжении всей жизни, при любых ее драматических поворотах. Печаль и труд – так определил он суть своих воспитательных усилий. Но это лишь видимая сторона жизни. Куда сложнее экзистенциальное постижение его личности.

Детство и старость, бессилие и бунт, жалобы и раздумья, радость и творчество – регистрация состояний человеческого духа? Корчак, как никто другой, обладал чувством эмпатии – умением вжиться, вчувствоваться в другого человека, мог «слышать шепот умерших и живых».

Он сам – целый мир: художник, ученый, простолюдин, но главное – ребенок. А. Галич это почувствовал: «Окликнет эхо давним прозвищем, // И ляжет свет покровом пряничным, // Когда я снова стану маленьким, // А мир опять большим и праздничным».

P.S. Есть мифы и Мифы. Арийский – омерзительный миф, столетиями поднимающий со дна на поверхность сознания пещерные племенные инстинкты, возбуждающие ненависть и агрессию. В данном случае демифологизация – единственное эффективное средство от пандемии озверения, которая периодически охватывает те или иные народы.

Однако есть мифы, освещающие душу. Таков миф о докторе Корчаке. В данном случае демифологизация его жизни и судьбы только обогащает наши представления об этом Ве-

ликом человеке, рождая еще большее уважение, сострадание и любовь к нему.

Евгений Ямбург, доктор педагогических наук, академик РАО

Право ребенка на уважение

Пренебрежение – недоверие

Быть маленьким

С ранних лет мы растем в сознании, что большое – важнее, чем малое.

– Я большой, – радуется ребенок, когда его ставят на стол.

– Я выше тебя, – отмечает он с чувством гордости, меряясь с ровесником.

Неприятно вставать на цыпочки и не дотянуться, трудно мелкими шажками поспевать за взрослым, из крохотной ручонки выскальзывает стакан. Неловко и с трудом влезает ребенок на стул, в коляску, на лестницу; не может достать дверную ручку, посмотреть в окно, что-либо снять или повесить, потому что высоко. В толпе заслоняют его, не заметят и толкнут. Неудобно, неприятно быть маленьким.

Уважение и восхищение вызывает большое, то, что занимает много места. Маленький же повседневен, неинтересен. Маленькие люди – маленькие и потребности, радости и печали.

Производят впечатление – большой город, высокие горы, большие деревья. Мы говорим:

– **Великий подвиг, великий человек.**

А ребенок мал, легок, не чувствуешь его в руках. Мы должны наклониться к нему, нагнуться.

А что еще хуже, ребенок слаб.

Мы можем его поднять, подбросить вверх, усадить против воли, можем насильно остановить на бегу, свести на нет его усилия.

Всякий раз, когда он не слушается, у меня про запас есть сила. Я говорю: «Не уходи, не тронь, подвинься, отдай». И он знает, что обязан уступить; а ведь сколько раз пытается послушаться, прежде чем поймет, сдастся, покорится!

Кто и когда, в каких исключительных условиях осмелится толкнуть, потряхнуть, ударить взрослого? А какими обычными и невинными кажутся нам наши шлепки, волочения ребенка за руку, грубые «ласковые» объятия!

Чувство слабости вызывает почтение к силе; каждый, уже не только взрослый, но и ребенок постарше, сильнее, может выразить в грубой форме неудовольствие, подкрепить требование силой, заставить слушаться: может безнаказанно обидеть.

Мы учим на собственном примере пренебрежительно относиться к тому, что слабее. Плохая наука, мрачное предзнаменование.

Милость материальной зависимости

Ребенок семенит беспомощно с учебником, мячом и куклой, смутно чувствуя, что без его участия где-то над ним совершается что-то важное и большое, что решает, есть ему доля или нет доли, карает и награждает и сокрушает.

Цветок – предвестник будущего плода, цыпленок станет курицей-несушкой, телка будет давать молоко. А до тех пор – старания, траты и забота – убережешь ли, не подведет ли?

Все растущее вызывает тревогу, долго ведь приходится ждать; может быть, и будет опорой старости, и воздаст стоицею. Но жизнь знает засухи, заморозки и град, которые побивают и губят жатву.

Мала рыночная стоимость незрелого. Лишь перед законом и Богом цвет яблони стоит столько же, что и плод, и зеленые всходы – сколько спелые нивы.

Мы пестуем, заслоняем от бед, кормим и обучаем. Ребенок получает все без забот; чем он был бы без нас, которым всем обязан?

Исключительно, единственно и все – мы.

Зная путь к успеху, мы указываем и советуем. Развиваем достоинства, подавляем недостатки. Направляем, поправляем, приучаем. Он – ничто, мы – все.

Мы распоряжаемся и требуем послушания.

Морально и юридически ответственные, знающие и пред-

видящие, мы единственные судьи поступков, душевных движений, мыслей и намерений ребенка.

Нищий распоряжается милостыней как заблагорассудится, а у ребенка нет ничего своего, он должен отчитываться за каждый даром полученный в личное пользование предмет.

Нельзя порвать, сломать, запачкать, нельзя подарить, нельзя с пренебрежением отвергнуть. Ребенок должен принять и быть довольным. Все в назначенное время и в назначенном месте, благоразумно и согласно предназначению.

Может быть, поэтому он так ценит ничего не стоящие пустишки, которые вызывают у нас удивление и жалость: разный хлам – единственная по-настоящему собственность и богатство – шнурок, коробок, бусинки.

Взамен за эти блага ребенок должен уступать, заслуживать хорошим поведением – выпроси или вымани, но только не требуй! Ничто ему не причитается, мы даем добровольно. (Возникает печальная аналогия: подруга богача.)

Из-за нищеты ребенка и милости материальной зависимости отношение взрослых к детям аморально.

Мы пренебрегаем ребенком, ибо он не знает, не догадывается, не предчувствует. Не знает трудностей и сложности жизни взрослых, не знает, откуда наши подъемы и упадки и усталость, что нас лишает покоя и портит нам настроение; не знает зрелых поражений и банкротств. Легко отвлечь внимание наивного ребенка, обмануть, утаить от него.

Он думает, что жизнь проста и легка. Есть папа, есть мама;

отец зарабатывает, мама покупает. Ребенок не знает ни измены долгу, ни приемов борьбы взрослых за свое и не свое.

Свободный от материальных забот, от соблазнов и от сильных потрясений, он не может о них и судить. Мы его разгадываем моментально, пронзаем насквозь небрежным взглядом, без предварительного следствия раскрываем неуклюжие хитрости.

А быть может, мы обманываемся, видя в ребенке лишь то, что хотим видеть?

Быть может, он прячется от нас, быть может, втайне страдает?

Мы пренебрегаем ребенком, ведь впереди у него много часов жизни.

Чувствуем тяжесть наших шагов, неповоротливость корыстных движений, скупость восприятий и переживаний.

А ребенок бегает и прыгает, смотрит на что попало, удивляется и расспрашивает; легкомысленно льет слезы и щедро радуется.

Ценен погожий осенний день, когда солнце редкость, а весной и так зелено. Хватит и кое-как, мало ему для счастья надо, стараться ни к чему. Мы поспешно и небрежно отделиваемся от ребенка. Презираем многообразие его жизни и радость, которую ему легко дать.

Это у нас убегают важные минуты и годы; у него время терпит, успеет еще, подождет.

Ребенок не солдат, не обороняет родину, хотя вместе с ней

и страдает.

С его мнением нет нужды считаться, не избиратель: не заставляет, не требует, не грозит.

Слабый, маленький, бедный, зависящий – ему еще только быть гражданином.

Снисходительное ли, резкое ли, грубое ли, а все – пренебрежение.

Сопляк, еще ребенок – будущий человек, не сегодняшний. По-настоящему он еще только будет.

Строгий надзор

Присматривать, ни на минуту не сводить глаз. Присматривать, не оставлять одного. Присматривать, не отходить ни на шаг.

Упадет, ударится, порежется, испачкается, прольет, порвет, сломает, испортит, засунет куда-нибудь, потеряет, подожжет, впустит в дом вора. Повредит себе, нам, покалечит себя, нас, товарища по игре.

Надзирать – никаких самостоятельных начинаний – полное право контроля и критики.

Не знает, сколько и чего ему есть, сколько и когда ему пить, не знает границ своих сил. Стало быть, стоять на страже диеты, сна, отдыха.

Как долго? С какого времени? Всегда. С возрастом недоверие к ребенку принимает иной характер, но не уменьша-

ется, а даже возрастает.

Ребенок не различает, что важно, а что не важно. Чужды ему порядок, систематический труд. Рассеянный, он забудет, пренебрежет, упустит. Не знает, что своим будущим за все ответит.

Мы должны наставлять, направлять, приучать, подавлять, сдерживать, исправлять, предостерегать, предотвращать, прививать, преодолевать. Преодолевать капризы, прихоти, упрямство. Прививать осторожность, осмотрительность, опасения и беспокойство, умение предвидеть и даже предчувствовать.

Мы, опытные, знаем, сколько вокруг опасностей, засад, ловушек, роковых случайностей и катастроф. Знаем, что и величайшая осторожность не дает полной гарантии – и тем более мы подозрительны: чтобы иметь чистую совесть, и случись беда, так хоть не в чем было себя упрекнуть.

Мил ему азарт шалостей, удивительно, как он льнет именно к дурному. Охотно слушает дурные нашептывания, следует самым плохим примерам.

Портится легко, а исправить трудно.

Мы ему желаем добра, хотим облегчить; весь свой опыт отдаем без остатка: протяни только руку – готовое! Знаем, что вредно детям, помним, что повредило нам самим, пусть хоть он избежит этого, не узнает, не испытает. «Помни, знай, пойми». «Сам убедишься, сам увидишь». Не слушает! Словно нарочно, словно назло.

Приходится следить, чтобы послушался, приходится следить, чтобы выполнил. Сам он явно стремится ко всему дурному, выбирает худший, опасный путь.

Как же терпеть бессмысленные проказы, нелепые выходы, необъяснимые вспышки? Подозрительно выглядит первичное существо. Кажется покорным и невинным, а по существу хитро и коварно.

Умеет ускользнуть от контроля, усыпить бдительность, обмануть. Всегда у него готова отговорка, увертка, утаит, а то и вовсе солжет. Ненадежный, вызывает разного рода сомнения.

Презрение и недоверие, подозрения и желание обвинить.

Печальная аналогия: дебошир, человек пьяный, взбунтовавшийся, сумасшедший. Как же – вместе, под одной крышей?

Неприязнь

Ребенок: ущерб и разочарование

Это ничего. Мы любим детей. Несмотря ни на что, они наша усада, бодрость, надежда, радость, отдых, светоч жизни. Не спугиваем, не обременяем, не терзаем; дети свободны и счастливы... Но отчего они как бы бремя, помеха, неудобный привесок?

Откуда неприязнь к любимому ребенку?

Прежде чем он мог приветствовать этот негостеприимный мир, в жизнь семьи уже вкрались растерянность и ограничения. Канули безвозвратно краткие месяцы долгожданной законной радости.

Длительный период неповоротливого недомогания завершают болезнь и боли, беспокойные ночи и дополнительные расходы. Утрачен покой, исчез порядок, нарушено равновесие бюджета. Вместе с кислым запахом пеленок и пронзительным криком новорожденного забряцала цепь супружеской неволи.

Тяжело, когда нельзя договориться и надо додумывать и догадываться.

Но мы ждем, быть может, даже и терпеливо. А когда наконец он начнет ходить и говорить, – путается под ногами,

все хватает, лезет во все щели, основательно-таки мешает и вносит непорядок – маленький неряха и деспот.

Причиняет ущерб, противопоставляет себя нашей разумной воле. Требуем и понимаем лишь то, что его душеньке угодно.

Не следует пренебрегать мелочами: обида на детей складывается и из раннего вставания, и смятой газеты, пятен на платьях и обоях, обмоченного ковра, разбитых очков и сувенирной вазочки, пролитого молока и духов и гонорара врачу.

Спит не тогда, когда нам желательно, ест не так, как нам хочется; мы-то думали – засмеется, а он испугался и плачет. А хрупок как! Любой недосмотр грозит болезнью, суля новые трудности.

Если один из родителей прощает, другой – в пику тому – не спускает и придирается; кроме матери, имеют свое мнение о ребенке отец, няня, прислуга и соседка; и наперекор матери или тайком наказывают ребенка.

Маленький интриган бывает причиной трений и неладов между взрослыми; всегда кто-нибудь недоволен и обижен. За поблажку одного ребенок отвечает перед другим.

Часто за мнимой добротой скрывается простая небрежность, ребенок делается ответчиком за чужие вины. (Девочки и мальчики не любят, когда их называют: дети. Общее с самыми маленькими название заставляет отвечать за давнее прошлое, разделять дурную репутацию малышей, выслуши-

вать многочисленные попреки, к ним, старшим, уже не относящиеся.)

Как редко ребенок бывает таким, как нам хочется, как часто рост его сопровождается чувством разочарования!

— Кажется, ведь уже должен бы...

Взамен того, что мы даем ему добровольно, он обязан стараться и вознаграждать, обязан понимать, соглашаться и уметь отказываться; и прежде всего — испытывать благодарность. И обязанности и требования с годами растут, а выполняются чаще всего меньше и иначе, чем мы хотели бы.

Родители благосклонно простят ребенка: потворство их вытекает из ясного сознания вины, что дали ему жизнь, нанесли вред, искалечив. Порой мать ищет во мнимой болезни ребенка оружие против чужих обвинений и собственных сомнений.

Вообще голос матери не вызывает доверия. Он пристрастен, некомпетентен. Обратимся лучше к мнению опытных воспитателей-специалистов: заслуживает ли ребенок нашего расположения?

Тяжкая доля воспитателя

Воспитатель в частном доме редко находит благоприятные условия для работы с детьми.

Скованный недоверчивым контролем, он вынужден лавировать между чужими указаниями и своими убеждениями,

извне идущим требованием и своим покоем и удобством. Отвечая за вверенного ему ребенка, он терпит последствия сомнительных решений законных опекунов и работодателей. Вынужденный утаивать и обходить трудности, воспитатель легко может деморализоваться, привыкнуть к двуличию – озлобиться и облениться.

С годами расстояние между тем, что хочет взрослый и к чему стремится ребенок, увеличивается: растет знание нечистых способов порабощения.

Появляются жалобы на неблагодарную работу: если Бог хочет кого покарать, то делает его воспитателем.

Дети, живые, шумные, интересующиеся жизнью и ее загадками, нас утомляют; их вопросы и удивление, открытия и попытки – часто с неудачным результатом – терзают.

* * *

Годы работы все очевиднее подтверждали, что дети заслуживают уважения, доверия и дружеского отношения, что нам приятно быть с ними в этой ясной атмосфере ласковых ощущений, веселого смеха, первых бодрых усилий и удивлений, чистых, светлых и милых радостей, что работа эта живая, плодотворная и красивая.

Одно лишь вызывало сомнение и беспокойство.

Отчего подчас самый надежный – и подведет? Отчего – правда, редко, но бывают – внезапные взрывы массо-

вой недисциплинированности всей группы? Может, и взрослые не лучше, только более солидные, надежные, спокойней можно на них положиться?

Я упорно искал и постепенно находил ответ.

1. Если воспитатель ищет в детях черты характера и достоинства, которые кажутся ему особо ценными, если хочет сделать всех на один лад, увлечь всех в одном направлении, его введут в заблуждение: одни подделаются под его требования, другие искренне поддадутся внушению – до поры до времени. А когда выявится действительный облик ребенка, не только воспитатель, но и ребенок болезненно ощутит свое поражение. Чем больше старание замаскироваться или повлиять – тем более бурная реакция; ребенку, раскрытому в самых своих доподлинных тенденциях, уже нечего терять. Какая важная отсюда вытекает мораль!

2. Одна мера оценки у воспитателя, другая у ребят: и он и они видят душевное богатство; он ждет, чтобы это душевное богатство развилось, а они ждут, какой им будет прок от этих богатств уже теперь: поделится ли ребенок, чем владеет, или сочтет себя вправе не дать – гордый, завистливый эгоист, скряга! Не расскажет сказки, не сыграет, не нарисует, не поможет и не услужит – «будто одолжение делает», «упрашивать надо». Попав в изоляцию, ребенок широ-

ким жестом хочет купить благосклонность у своего ребячьего общества, которое радостно встречает перемену. Не вдруг испортился, а, наоборот, понял и исправился.

3. Все подвели, всем скопом обидели. Я нашел объяснение в книжке о дрессировке зверей – и не скрываю источника. **Лев не тогда опасен, когда сердится, а когда разыграется, хочет пошалить; а толпа сильна, как лев...**

Решение надо искать не столько в психологии, сколько – и это чаще – в медицине, социологии, этнологии, истории, поэзии, криминалистике, в молитвеннике и в учебнике по дрессировке. *Ars longa**.

4. Настал черед самого солнечного (о, хоть бы не последнего!) объяснения. **Ребенка может опьянить кислород воздуха, как взрослого водка.** Возбуждение, торможение центров контроля, азарт, затмение; как реакция – смущение, неприятный осадок – изжога, сознание вины. Наблюдение мое клинически точно. И у самых почтенных граждан может быть слабая голова.

Не порицать: это ясное опьянение детей вызывает чувство растроганности и уважения, не отдаляет и разделяет, а сближает и делает союзниками.

Лицемерие взрослых

Мы скрываем свои недостатки и заслуживающие наказания поступки. Критиковать и замечать наши забавные особенности, дурные привычки, смешные стороны детям не разрешается. Мы строим из себя совершенства. Под угрозой высочайшей обиды оберегаем тайны господствующего класса, касты избранных – приобщенных к высшим таинствам. Обнажать бесстыдно, и ставить к позорному столбу можно лишь ребенка.

Мы играем с детьми краплеными картами; слабости детского возраста бьем тузами достоинств взрослых.

Шулеры, мы так подтасовываем карты, чтобы самому плохому в детях противопоставить то, что в нас хорошо и ценно.

Где наши лежебоки и легкомысленные лакомки-гурманы, дураки, лентяи, лодыри, авантюристы, люди недобросовестные, плуты, пьяницы и воры? Где наши насилия и явные и тайные преступления? Сколько дрызг, хитростей, зависти, наговоров, шантажей, слов, что калечат, дел, что позорят! Сколько тихих семейных трагедий, от которых страдают дети, первые мученики – жертвы! И смеем мы обвинять и считать их виновными?!

А ведь взрослое общество тщательно просеяно и процежено. Сколько человеческих подонков и отбросов унесено водосточными канавами, вобрано могилами, тюрьмами и су-

масшедшими домами!

Мы велим уважать старших, опытных, не рассуждая; а у ребят есть и более близкое им начальство – подростки, с их навязчивым подговариванием и давлением.

Преступные и неуравновешенные ребята бродят без призора и пихаются, расталкивают и обижают, заражают. И все дети несут за них солидарную ответственность (ведь и нам, взрослым, подчас от них чуть-чуть достаётся). Эти немногочисленные возмущают общественное мнение, выделяясь яркими пятнами на поверхности детской жизни; это они диктуют рутине ее методы: держать детей в повиновении, хотя это и угнетает, в ежовых рукавицах, хотя это и ранит, обращаться сурово, что значит грубо.

Мы не позволяем детям организоваться; пренебрегая, не доверяя, недолюбливая, не заботимся о них; без участия знатоков нам не справиться; а знатоки – это сами дети.

Неужели мы столь не критичны, что ласки, которыми мы преследуем детей, выражают у нас расположение? Неужели мы не понимаем, что, лаская ребенка, это мы принимаем его ласку, беспомощно прячемся в его объятия, ищем защиты и прибежища в часы бездомной боли, бесхозной покинутости – слагаем на него тяжесть страданий и печалей?

Всякая иная ласка – не бегства к ребенку и не мольбы о надежде – это преступные поиски и пробуждение в нем чувственных ощущений.

«Обнимаю, потому что мне грустно. Поцелуй, тогда дам». Эгоизм, а не расположение.

Право на уважение

Существует ли жизнь в шутку? Нет, детский возраст – долгие, важные годы в жизни человека.

Школа создает ритм часов, дней и лет. Школьные работники должны удовлетворять сегодняшние нужды юных граждан. Ребенок – существо разумное, он хорошо знает потребности, трудности и помехи своей жизни. Не деспотичные распоряжения, не навязанная дисциплина, не недоверчивый контроль, а тактичная договоренность, вера в опыт, сотрудничество и совместная жизнь! Ребенок не глуп; дураков среди них не больше, чем среди взрослых. Облаченные в пурпурную мантию лет, как часто мы навязываем бессмысленные, некритичные, невыполнимые предписания! В изумлении останавливается подчас разумный ребенок перед агрессией язвительной седовласой глупости.

У ребенка есть будущее, но есть и прошлое: памятные события, воспоминания и много часов самых доподлинных одиноких размышлений. Так же как и мы – не иначе, – он помнит и забывает, ценит и недооценивает, логично рассуждает и ошибается, если не знает. Осмотрительно верит и сомневается.

Ребенок – иностранец, он не понимает языка, не знает направления улиц, не знает законов и обычаев. Порой предпочитает осмотреться сам; трудно – попросит указания и сове-

та. Необходим гид, который вежливо ответит на вопросы.

Уважайте его незнание!

Человек злой, аферист, негодяй воспользуется незнанием иностранца и ответит невразумительно, умышленно вводя в заблуждение. Грубиян буркнет себе под нос. Нет, мы не доброжелательно осведомляем, а грыземся и лаем с детьми – отчитываем, выговариваем, наказываем.

Как плачевно убоги были бы знания ребенка, не приобрести он их от ровесников, не подслушай, не выкради из слов и разговоров взрослых.

Уважайте труд познания!

Уважайте неудачи и слезы!

Не только порванный чулок, но и поцарапанное колено, не только разбитый стакан, но и порезанный палец, синяк, шишку – а значит, боль.

Клякса в тетрадке – это несчастный случай, неприятность, неудача.

«Когда папа прольет чай, мамочка говорит: „Ничего“, а мне всегда попадает».

Непривычные к боли, обиде, несправедливости, дети глубоко страдают и потому чаще плачут, но даже слезы ребенка вызывают шуточные замечания, кажутся менее важными, сердят.

«Ишь, распищался, ревет, скулит, нюни распустил». (Букет слов из словаря взрослых, изобретенный для детского

пользования.)

Слезы упрямства и каприза – это слезы бессилия и бунта, отчаянная попытка протеста, призыв на помощь, жалоба на халатность опеки, свидетельство того, что детей неразумно стесняют и принуждают, проявление плохого самочувствия и всегда – страдание.

Уважайте собственность ребенка и его бюджет. Ребенок делит со взрослыми материальные заботы семьи, болезненно чувствует нехватки, сравнивает свою бедность с обеспеченностью соученика, беспокоится из-за несчастных грошей, на которые разоряет семью. Он не желает быть обузой.

Не вопиет ли факт, что в судах для малолетних преобладают именно дела о кражах? Недооценка бюджета ребенка мстит за себя – и наказания не помогут. Собственность ребенка – это не хлам, а нищенски убогие материал и орудие труда, надежды и воспоминания.

Не мнимые, а подлинные сегодняшние заботы и беспокойства, горечь и разочарования юных лет.

Мы наивно боимся смерти, не сознавая, что жизнь – это хоровод умирающих и вновь рождающихся мгновений.

Год – это лишь попытка понять вечность по-будничному.

Мир длится столько, сколько улыбка или вздох. Мать хочет воспитать ребенка. Не дождется! Снова и снова иная женщина иного встречает и провожает человека. Мы неумело делим годы на более зрелые и менее зрелые; а ведь нет

незрелого сегодня, нет никакой возрастной иерархии, никаких низших и высших рангов боли и радости, надежды и разочарований.

Играю ли я или говорю с ребенком, — переплелись две одинаково зрелые минуты моей и его жизни; и в толпе детей я всегда на мгновение встречаю и провожаю взглядом и улыбкой какого-нибудь ребенка. Сержусь ли, мы опять вместе — только моя злая мстительная минута насилует его важную и зрелую минуту жизни.

Отречься во имя завтра? А чем оно так заманчиво?

Мы всегда расписываем его слишком яркими красками.

Сбывается предсказание: валится крыша, ибо не уделено должного внимания фундаменту здания.

Право ребенка быть тем, что он есть

– Что из него будет, кем вырастет? – спрашиваем мы себя с беспокойством.

Хотим, чтобы дети были лучше нас. Грезится нам совершенный человек будущего.

Надо бдительно ловить себя на лжи, клеймя одетый в красивые слова эгоизм. Будто самоотречение, а по существу – грубое мошенничество.

Мы объяснились с собой и примирились, простили себя и освободили от обязанности исправляться. Плохо нас воспитали. Но поздно! Пороки и недостатки уже укоренились.

Не позволяем критиковать нас детям и не контролируем себя сами.

Отпустили себе грехи и отказались от борьбы с собой, взвалив эту тяжесть на детей.

Воспитатель поспешно осваивает особые права взрослых: смотреть не за собой, а за детьми, регистрировать не свои, а детские вины.

А вина ребенка – это все, что метит в наш покой, в самолюбие и удобство, восстанавливает против себя и сердит, бьет по привычкам, поглощает время и мысли. Мы не признаем упущений без злой воли.

Ребенок не знает, не расслышал, не понял, прослушал, ошибся, не сумел, не может – все это его вина. Невезение

или плохое самочувствие, каждая трудность – это вина и злая воля.

Недостаточно быстро или слишком быстро и потому недостаточно исправно выполненная работа – вина: небрежность, лень, рассеянность, нежелание работать.

Невыполнение оскорбительного и невыполнимого требования – вина. И наше поспешное злое подозрение – тоже его вина. Вина ребенка – наши страхи и подозрения и даже его старание исправиться.

«Вот видишь, когда ты хочешь, ты можешь».

Мы всегда найдем, в чем упрекнуть, и алчно требуем все больше и больше.

Уступаем ли мы тактично, избегаем ли ненужных трений, облегчаем ли совместную жизнь? Не мы ли сами упрямы, привередливы, задиристы и капризны?

Ребенок привлекает наше внимание, когда мешает и вносит смуту; мы замечаем и помним только эти моменты. И не видим, когда он спокоен, серьезен, сосредоточен.

Недооцениваем безгрешные минуты беседы с собой, миром, Богом. Ребенок вынужден скрывать свою тоску и внутренние порывы от насмешек и резких замечаний; утаивает желание объясниться, не выскажет и решения исправиться.

Не бросит проницательного взгляда, затаит в себе удивление, тревогу, скорбь, гнев, бунт. Мы хотим, чтобы он подпрыгивал и хлопал в ладоши – он и показывает ухмыляющееся лицо шута.

Громко говорят о себе плохие поступки и плохие дети, заглушая шепот добра, но добра в тысячу раз больше, чем зла. Добро сильно и несокрушимо. Неправда, что легче испортить, чем исправить.

Мы тренируем свое внимание и изобретательность в выискивании зла, в расследовании, в вынюхивании, в выслеживании, в преследовании, в ловле с поличным, в дурных предвидениях и в оскорбительных подозрениях. (Разве мы приглядываем за стариками, чтобы не играли в футбол? Какая мерзость – упорное выслеживание у детей онанизма.)

Один из мальчиков хлопнул дверью, одна постель плохо постлана, одно пальто запропало, одна клякса в тетрадке. Если мы и не отчитываем, то уж во всяком случае ворчим, вместо того чтобы радоваться, что лишь один, одна, одно.

Мы слышим жалобы и споры, но насколько больше прощений, уступок, помощи, заботы, услуг, уроков, глубоких и красивых влияний! Даже задиры и злюки не только заставляют лить слезы, но и расцветать улыбки.

Ленивые, мы хотим, чтобы никто и никогда, чтобы из десяти тысяч секунд школьного дня (сосчитай) не было ни одной трудной.

Почему ребенок для одного воспитателя плох, а для другого хорош? Мы требуем стандарта добродетелей и поведения и сверх того по нашему усмотрению и образцу.

Найдешь ли в истории пример подобной тирании? Поколение Неронов расплодилось.

Кроме здоровья, бывают и недомогания, кроме достоинств и положительных качеств – недостатки и пороки.

Кроме небольшого числа детей, растущих в обстановке веселья и празднеств, для кого жизнь – сказка и величавая легенда, доверчивых и добродушных, существует основная масса детей, кому с юных лет мир жестко и без прикрас гласит суровые истины.

Испорченные презрительным помыканием некультурности и бедности или чувственно ласковым пренебрежением пресыщенности и лоска...

Испачканные, недоверчивые, восстановленные против людей, не плохие.

Для ребенка пример не только дом, но и коридор, двор, улица. Ребенок говорит языком окружающих – высказывает их взгляды, повторяет их жесты, подражает их поступкам. Мы не знаем чистого ребенка – каждый в той или иной степени загрязнен.

О, как он быстро высвобождается и очищается! От этого не лечат, это смывают; ребенок рад, что нашел себя, и охотно помогает. Стоскался по бане и улыбается тебе и себе.

Такие наивные триумфы из повести о сиротках одерживает каждый воспитатель; случаи эти сбивают с толку не критически мыслящих моралистов, что, мол, легко. Халтурщик рад-радешенек, честолубивый приписывает заслугу себе, а деспота сердит, что так выходит не всегда; одни хотят всю-

ду добиться подобных результатов, увеличивая дозу убеждения, другие – нажима.

Кроме детей, лишь загрязненных, встречаются и с ушибами и ранами; колотые раны не оставляют шрамов и сами затягиваются под чистой повязкой; чтобы зажили рваные раны, приходится дольше ждать, остаются болезненные рубцы; их нельзя задевать. Коросты и язвы требуют большего старания и терпения.

Говорят: тело заживает; хотелось бы добавить: и душа.

Сколько мелких ссадин и инфекций в школе и интернате, сколько соблазнов и неотвязных нашептываний; а как мимолетно и невинно их действие! Не будем опасаться грозных эпидемий там, где атмосфера интерната здоровая, где много кислорода и света.

Как мудр, постепенен и чудесен процесс выздоровления! Сколько в крови, соках, тканях важных тайн! Как каждая нарушенная функция и затронутый орган стараются восстановить равновесие и справиться со своим заданием! Сколько чудес в росте растения и человека – в сердце, в мозгу, в дыхании! Самое маленькое волнение или напряжение – и уже сильнее трепыхается сердце, уже чаще пульс.

Так же силен и стоек дух ребенка. Существует моральная устойчивость и чуткая совесть. Неправда, что дети легко заражаются.

Халтурный диагноз валит в одну кучу детей подвижных, самолюбивых, с критическим направлением ума, всех

«неудобных», но здоровых и чистых – вместе с обиженными, надутыми, недоверчивыми – загрязненными, искушенными, легкомысленными, послушно следующими дурным примерам. Незрелый, небрежный, поверхностный взгляд смешивает, путает их с редко встречающимися преступными, отягощенными дурными задатками детьми. (Мы, взрослые, не только сумели обезвредить пасынков судьбы, но и умело пользуемся трудом отверженных.)

Вынужденные жить вместе с ними, здоровые дети вдвойне страдают: их обижают и втягивают в преступления.

Ну а мы? Не обвиняем ли легкомысленно всех ребят огулом, не навязываем ли солидарную ответственность?

«Вот они какие, вот на что они способны».

Наитягчайшая, пожалуй, несправедливость.

Первое решение – бороться с силой, которая диктует ему дурные поступки. Что другим далось даром, так легко, что в других пустяк и повседневность – погожие дни душевного равновесия, – он получает в награду за кровавый поединок с самим собой. Он ищет помощи и, если доверится – льнет к тебе, просит, требует: «Спасите!» Проведал о тайне и жаждет исправиться раз и навсегда, сразу, одним усилием.

Вместо того чтобы благоразумно сдерживать легкомысленный порыв, отдалять решение исправиться, мы неуклюже поощряем и ускоряем. Ребенок хочет высвободиться, а мы стараемся уловить в сети; он хочет вырваться, а мы готовим коварные силки. Дети жаждут явно и прямо, а мы учим

только скрывать. Дети дарят нам день, целый, долгий и без изъяна, а мы отвергаем его за одно дурное мгновение. Стоит ли это делать?

Ребенок мочился под себя ежедневно, теперь реже, было лучше, опять ухудшение – не беда! Дольше перерывы между приступами у эпилептика. Реже кашляет, спала температура у больного туберкулезом. Еще и не лучше, но нет ухудшения. И это врач ставит в плюс лечению. Здесь ничего не выманишь и не заставишь.

Отчаявшиеся, полные бунта и презрения к покорному, льстивому братству добродетели, стоят ребята перед воспитателем, сохранив, быть может, единственную и последнюю святыню – нелюбовь к лицемерию. И эту святыню мы хотим повалить и исполосовать! Мы совершаем кровавое преступление, обрушивая на ребят холод и пытки, и зверски подавляем не сам бунт, а его неприкрытость, легкомысленно раскаляя добела ненависть к коварству и к ханжеству.

Дети не отказываются от плана мести, а откладывают, поджидая удобного случая. И если они верят в добро – затаят в глубине души эту тоску по добру.

– Зачем вы родили меня? Кто просил у вас эту собачью жизнь?

Перехожу к раскрытию сокровеннейших тайн, к труднейшему разъяснению. Для нарушений и упущений достаточно терпеливой и дружеской снисходительности; преступным

детям необходима любовь. Их гневный бунт справедлив. Надо понять сердцем их обиду на гладкую добродетель и заключить союз с одиноким заклеяменным проступком. Когда же, как не сейчас, одарить его цветком улыбки? В исправительных домах – еще инквизиция, пытки средневековых наказаний, солидарная ожесточенность и мстительность узаконенных гонений. Разве вы не видите, что самым хорошим ребятам жаль этих самых плохих: чем они виноваты?

Давайте требовать уважения к ясным глазам, гладкой коже, юному усилию и доверчивости. Чем же почтнее угасший взор, покрытый морщинами лоб, жесткие седины и согбенная покорность судьбе?

Восход и закат солнца. Утренняя и вечерняя молитва.

И вдох, и выдох, и сокращение, и расслабление сердца.

Солдат все солдат – и когда идет в бой, и когда возвращается, покрытый пылью.

Уважайте, если не почитайте, чистое, ясное, непорочное, святое детство!

Как любить ребенка

Ребенок в семье

Мой ребенок?

Ты говоришь: «Мой ребенок».

Когда тебе и говорить это, как не во время беременности?

Биение крохотного, словно персиковая косточка, сердца – эхо твоего пульса. Твое дыхание несет кислород и ему.

Одна кровь течет и в нем, и в тебе – и ни единая алая капля крови еще не знает, останется она твоей или его или прольется и умрет, как дань, взимаемая таинством зачатия и родов. Кусок хлеба, который ты жуешь, – материал ему на созидание ножек, на которые он встанет и побежит, кожицы, которая их покроет, глаз, которыми он будет смотреть, мозга, в котором вспыхнет мысль, ручонки, которыми он к тебе потянется и, улыбаясь, назовет: «мама».

Вместе вам переживать решающий момент; сообща станете испытывать общую боль.

Но пробьет час – знак:

– Готов.

И одновременно он, ребенок, скажет: «Хочу жить своей

жизнью», а ты, мать, скажешь: «Живи теперь своей жизнью».

Сильными спазмами ты станешь его выталкивать из своего чрева, не считаясь с его болью; мощно и решительно он станет пробиваться, не считаясь с твоей болью.

Зверский акт.

Нет – и ты и он подвластны сотне тысяч неуловимых, легких и дивно точных импульсов, дабы, забирая свою долю жизни, вы не взяли больше, чем принадлежит вам по праву, всеобщему и извечному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.